

УДК 94(57)

«Три жизни» атамана Г. М. Семенова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире)

Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье рассматриваются «три жизни» забайкальского атамана Г. М. Семенова: 1) учеба, командировка в Монголию и Первая мировая война; 2) революция и Гражданская война; 3) эмиграция. На этом пути происходит трагедия личности, прошедшей путь от героя до предателя.

Ключевые слова: атаман Семенов, революция и Гражданская война, эмиграция, панмонголизм, Особый маньчжурский отряд, Японская военная миссия, русский фашизм, герой, предатель.

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР 30 августа 1946 г. был казнен (повешен) Главнокомандующий Вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, Походный атаман Дальневосточных казачьих войск и Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов.

Фронт, граница, водораздел – это понятия однопорядковые, делящие все на «до» и «после», по одну сторону и по другую, власть советскую и постсоветскую. Но есть понятия неделимые, которые на все времена, при любой власти, в любом обществе, на любом континенте: это божьи заповеди; это мать, которая тебя родила; это страна, в которой ты родился. Темы эти табуированы, и свести их можно к одной единственной проблеме: любовь и предательство.

Через призму именно этой проблемы мы и обратимся к такой неординарной и в то же время одиозной личности, как забайкальский атаман Григорий Михайлович Семенов. И обусловлено это вовсе не «ожесточенной идеологической борьбой, развернувшейся после августа 1991 г.», разделившей «историков на два лагеря», которые, по мнению историка В. Г. Кокоулина, «поднимают на щит адмирала А. В. Колчака, атамана Г. М. Семенова, барона Р. Ф. Унгерна, генерала М. К. Дитерихса», в результате чего исследователь причислил и автора этих строк к «апологетам атамана Семенова» [17, с. 8, 257]. Конечно, имеет место попытка реабилитации мятежного атамана. Не случайно этому вопросу посвящен 25-й том многотомного дела по обвинению Г. М. Семенова. Этот том представлен письмами и обращениями реальных апологетов забайкальского атамана в адрес общественности, Главной военной

прокуратуры, Генеральной прокуратуры, Верховного Суда, Президента Российской Федерации. Имеется и нестандартный подход к оценке его деятельности, а также попытки реабилитации забайкальского атамана со стороны региональных ученых [14]. И все же иная проблема является квинтэссенцией современного развития общества, его идеологии и моральных устоев. И это не проблема «красных» и «белых», а проблема квислингов, коих определенная часть общества на волне демократии пытается представить как героев, обрядить в тогу мучеников и причислить к лику святых.

Для исследователей деятельность атамана Семенова – это почва более чем благодатная, ибо для ее изучения имеются: 1) мемуары атамана Семенова, изданные в Дайрене в 1938 г. [3]; 2) значительная численно и серьезная в научном аспекте российская и зарубежная историография, обусловленная бурными событиями 1917–1920 гг., которые «потрясли мир», активным участником которых был наш герой [21; 23; 25; 39; 40; 48; 52]; 3) наличие изданий, с которых снят режим секретности, в частности трехтомник «Белоэмиграция в Маньчжурии», изданный в 1942 г. Читинским УНКВД под грифом «Совершенно секретно» (рассекречен в 1989 г.) [6]; 4) богатейший архивный фонд, находящийся в государственных архивохранилищах Москвы, Читы и Улан-Удэ; 5) и, наконец, 25 томов «Дела по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Григория», находящихся на хранении в ведомственном Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Москве [12]. Это уникальный источник по истории революции и Гражданской войны в Забайкалье и истории русской военной эмиграции на Дальнем Востоке, который представлен материалами допросов мятежного атамана и его ближайшего окружения.

Любовь

Атаман Г. М. Семенов опубликовал свои воспоминания через двадцать лет после революции и Гражданской войны, оставив в Забайкалье о себе далеко не добрую память. Несомненно, он не лишен литературного дара, речь его образна, глаз острый, все подмечающий, имеется и склонность к анализу. Но многое забылось, а зачастую и вполне осознанно препарировалось и подавалось в розовом флере. Да и цель издания была далека от просто воспоминаний, задача которых всегда весьма прагматична – «чтобы помнили». В конце 30-х гг. мир изменился и стремительно катился к новой мировой войне, а вчерашний забайкальский атаман, находившийся в эмиграции в Маньчжурии (Маньчжоу-Го), при прямой поддержке Японской военной миссии стал лидером и идеологом всей русской эмиграции на востоке. Он, несомненно, вновь видел себя в родном Забайкалье на белом коне. Да и японцы всячески подогревали эти его стремления. Но вот воспоминания о юности, учебе в Оренбургском казачьем училище, командировке в Монголию после победы Синьхайской революции, Первой мировой войне, где он показал чудеса личной храбрости и героизма, – кажутся нам искренними. Они дышат любовью к малой Родине, армии, Отечеству: «Неизмеримость величий нашей Родины, как в смысле ее беспредельности, так и в отношении неисчерпаемых природных

богатств, казалась нам залогом несомненной нашей победы». Или: «Поля и леса Сибири уже одевались в золотистую парчу осени. Богатство урожая подтверждалось видом сжатых и покрытых золотистыми снопами хлеба полей. Повсюду на станциях кипела работа: горы различных товаров ожидали очереди отправки к местам назначения; тяжело нагруженные поезда перебрасывали на запад к фронту... масло, кожи, мясо, хлеб, скот, лес и пр. Оценивая кипучую работу в глубоком тылу, видя неисчерпаемые богатства нашей страны, мы укрепили свою уверенность в грядущем благополучии и величии нашей родины...» [3, с. 27]. Г. М. Семенов тепло отзывается и о Монголии начала XX в., когда он оказался приобщенным к «истории страны великого Чингисхана». Монгольский и бурятский языки будущий атаман знает с детства. В 1911 г. он попадает в Монголию для производства маршрутных съезок, после чего был оставлен при 6-й сотне полка, охранявшего российское консульство в Урге. Его командировка по времени совпадает с бурными политическими событиями, когда Монголия обретает независимость. Г. М. Семенов близко сходитя со многими политическими деятелями монгольского общества. С особой теплотой он вспоминает видного представителя ламского духовенства Чжожен-гэгэна, характеризуя ламаизм как «одну из гуманнейших религий».

Войну он начал в рядах 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. 11 ноября 1914 г. Г. М. Семенов спас полковое знамя. Через месяц с разездом силою 11 казаков снял баварскую пехотную заставу, взяв в плен 65 человек. В Карпатах он отличился при защите одного из ущелий, где с 40 казаками сдержал четырехкратную атаку Баварской дивизии. Он действительно герой, и все действия его не были спонтанны, а продиктованы любовью к Отечеству.

Трагедия

Все изменилось в феврале 1917 г., хотя свержение монархии не стало для Г. М. Семенова личной трагедией. Но последующие революционные события и демократизацию армии, отмену дисциплины и чинопочитания он совершенно справедливо воспринял как развал армии. «Правительство как бы сознательно, – пишет он, – закрывало глаза на ту пропасть, в которую оно своими неразумными и антигосударственными мерами вело армию, а за ней и всю страну» [3, с. 62].

Весной 1917 г. Г. М. Семенов пишет докладную записку на имя военного министра и министра военно-морского флота Временного правительства А. Ф. Керенского, в которой, с целью предотвращения революционизации масс, предложил создать в Забайкалье конный монголо-бурятский полк.

Воспитание в семье, образ жизни в забайкальской казачьей станице, учеба в Оренбургском казачьем училище, командировка в Монголию, участие в событиях февраля 1914 г. по поимке хунзузов на границе с Маньчжурией, активное участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны, Приказ № 1, покончивший с дисциплиной в армии – все это подготовило внутреннее неприятие атаманом революционных идей, разрушавших, по мнению Г. М. Семенова, порядок, мощь, экономические устои государства. Поэтому

его решение о формировании добровольческих частей «из туземцев Восточной Сибири» не было спонтанным. Конечно, это решение пахивало авантюрой, ибо будущее страны решалось не на далекой восточной окраине, а здесь – в Петрограде. Наверно, уже тогда у Г. М. Семенова появились первые признаки будущих сепаратистских настроений. Но нельзя не отметить, что это был порыв искренний, продиктованный желанием сохранить устои государственности, любовью к родному Забайкалью.

В июле 1917 г. Г. М. Семенов получает полномочия комиссара по образованию добровольческой армии для Иркутского и Приамурского военных округов и необходимую сумму денег от А. Ф. Керенского. Позднее его полномочия были расширены и распространены на весь Дальний Восток, включая полосу отчуждения КВЖД. Одновременно он был назначен командиром конного монголо-бурятского полка с местом формирования на станции Березовка (пригород Верхнеудинска) Забайкальской железной дороги. Уже в августе 1917 г. Г. М. Семенов создает Особый маньчжурский отряд (ОМО), до 70 % которого составляли китайские хунхузы и 30 % – монголы и буряты, предприняв в августе – сентябре 1917 г. первую экспедицию против зарождавшихся в Забайкалье советов рабочих и солдатских депутатов.

Уже в ходе формирования ОМО идеалы Г. М. Семенова вступили в противоречие с реальной жизнью: основой отряда изначально стали не забайкальские казаки, буряты и монголы, а китайские хунхузы, фактически ландскнехты, коих и революция, и контрреволюция интересовали мало. Нельзя забывать и о том, что забайкальские фронтовики-казаки под влиянием большевистской агитации и того же Приказа № 1, взаимодействуя с рабочей Красной гвардией, распустили эсеро-меньшевистский Народный Совет в Забайкалье, в результате чего власть перешла к Комитету советских организаций Забайкальской области [32]. Именно тогда произошел окончательный разлом в среде вчерашних фронтовиков-однополчан.

Уже в январе 1918 г. атаман Семенов вторгся в Забайкалье и занял ее восточную часть – Даурию, в результате чего в Забайкалье возник Даурский (Семеновский) фронт, представлявший единственную реальную опасность для молодой Советской власти на территории от Урала до Приморья. Особый маньчжурский отряд преобразуется в одно из наиболее боеспособных казачьих формирований [46; 48]. И лишь благодаря Центросибири, сумевшей сконцентрировать в Забайкалье усилия всех красногвардейцев Сибири и бывших иностранных военнопленных, вставших на сторону Советской власти, под руководством С. Лазо получилось ликвидировать очаг контрреволюции [1; 39; 40]. Но в этот период вчерашние идеалы Г. М. Семенова, связанные с величием Родины, постепенно блекнут, скукоживаются и становятся средством, формой, инструментом достижения собственных амбиций.

В конце 1918 г. важнейшие населенные пункты от Тихого океана до Урала вдоль Сибирской железной дороги были заняты японскими, американскими, английскими, французскими и итальянскими оккупантами. В городах Дальнего Востока и Восточной Сибири появились консулы и другие дипломатические чиновники этих держав. Началась иностранная интервенция. Япон-

ские войска, численность которых возросла до 72 тыс. солдат, заняли важнейшие позиции в Приморье и захватили Китайско-Восточную железную дорогу, стремясь прибрать к своим рукам Дальний Восток и Восточную Сибирь до Байкала [41]. И эта политика первоначально осуществлялась через атамана Г. М. Семенова, занявшего Забайкалье. Поводом к открытому вмешательству во внутренние дела Сибири для них явились омские события 18 ноября 1918 г.

Г. М. Семенов, инспирированный японцами, отказался признать А. В. Колчака и объявил, что он всю полноту власти в пределах Забайкалья и Амурской области берет на себя. Не замедлив поддержать атамана, японцы сообщили А. В. Колчаку, что Г. М. Семенов находится под их покровительством. Благодаря этому вмешательству власть адмирала А. В. Колчака на территорию к востоку от Байкала фактически не распространялась. Атаман Семенов издал приказ следующего содержания: «Ввиду тяжелого положения страны и передачи всей полноты военной и гражданской власти адмиралу Колчаку, в интересах сохранения спокойствия и порядка в пределах Забайкальской и Амурской областей всю полноту военной власти беру на себя».

Таким образом, вчерашний государственный превращается не только в сепаратиста, но и становится агентом иностранного влияния, т. е. появляется неприкрытый цинизм, который и заложил фундамент будущего предательства. И этот цинизм в наибольшей мере проявился в осуществлении национальной политики.

Цинизм

Проблеме политических амбиций атамана Г. М. Семенова отводится значительное внимание в современной российской и зарубежной историографии. В их числе национальная политика атамана, получившая нестандартное освещение в работе В. И. Василевского, который полагает, что Г. М. Семенов придерживался принципа культурно-национальной автономии, что, по мнению исследователя, обеспечивало нерусским народам в Забайкалье «равноправие с русским населением в решении политических, экономических и культурных вопросов, давало право обучения на родном языке» [7, с. 91, 92]. Конечно, будет вполне обоснованным считать проблему национальной государственности как в России, так и в Монголии главенствующей, что и определило содержание и характер событий, развернувшихся на Востоке России и в Монголии в первой четверти XX столетия. Но, на наш взгляд, у атамана Г. М. Семенова вообще не было четкой и ясной программы по национальному вопросу, а сам вопрос интересовал его лишь с позиции возможности использовать этнический фактор в борьбе с большевиками. Изначально он, а затем и барон Р. Ф. Унгерн сделали ставку на национальные военные формирования [55], чтобы «вести борьбу отдельно от недостаточно исполненных сознанием долга славян» [3, с. 14]. У атамана Г. М. Семенова вначале – это китайские хунхузы, как основа Особого маньчжурского отряда, затем китайские, бурятские и монгольские полки, мусульманские формирования, отряд сербов – военнопленных Австро-Венгерской армии и знаменитая еврейская «золотая сотня» личной охраны [23]. В Азиатской конной дивизии барона

Р. Ф. Унгерна, созданной по приказу атамана Г. М. Семенова, при преимуществе забайкальских казаков, стоявших во главе бурятского, монгольского и татарского полков, имелось незначительное количество немцев, турецких военнопленных, китайцев, украинцев и японцев [5, с. 14].

Но в изучении национального аспекта белой государственности особое внимание российских историков привлекает монгольский вопрос. В этом нет какого-либо противоречия, ибо ленинская идея о мировой революции смогла реализоваться только в Монголии. Поэтому сегодня изучение монгольского вопроса наполняется геополитическим содержанием, приобретая тем самым особое звучание.

Идея панмонголизма как единения монголоязычных народов начинает расцветать после победы Синьхайской революции 1911 г., принесшей независимость Монголии.

Идеи панмонголизма [19; 24; 29] получили второе дыхание в годы революции и Гражданской войны и связаны они, прежде всего, с именем забайкальского атамана Г. М. Семенова. Чем же был обусловлен интерес атамана к панмонголизму? Свой интерес к Монголии забайкальский атаман объясняет в своих мемуарах в разделе, посвященном Монголии [3, с. 17–23]. Его командировка по времени совпадает с бурными политическими событиями, когда Монголия обретает независимость. Г. М. Семенов близко сходится со многими политическими деятелями монгольского общества.

После падения первой Советской власти в Забайкалье атаман Г. М. Семенов, одержимый идеей объединения монгольских племен, развернул активную работу по созданию панмонгольского государства, опираясь при этом на японскую военщину и лидеров бурятского национального движения. Японский исследователь Т. Наками ошибочно полагает, что «Семенов и его сторонники не создавали государственных органов, поэтому он не имел официальных связей с иностранными государствами, в частности с Японией» [41, с. 124]. Между тем атаман Г. М. Семенов уже в сентябре 1918 г. приступил к созданию органов местного самоуправления. Что касается его связей с иностранными государствами, и в частности с Японией, то они существовали через посредничество представителей оккупационных войск. Идея атамана Г. М. Семенова о создании национальных военных формирований находит понимание у лидеров Бурятского национального комитета (Бурнацком), и осенью 1918 г. руководитель Бурятской национальной думы (Бурнардума, бывший Бурнацком) Э.-Д. Ринчино начинает принудительный призыв в ряды бурят-монгольской бригады «Зоригто-Батор». В письме Даши Сампилону – одному из лидеров бурятского национального движения – Э.-Д. Ринчино писал, что «как постоянную силу придется держать не менее двух конных полков. Призывать нужно будет до 35 лет, призванных после шестимесячного обучения придется распускать. Западный фронт не должен нас интересовать. Туда нечего посылать людей. Из иркутян необходимо образовывать пехотные части. Полки наши несут охранно-караульную службу, но ни в коем случае полицейскую» [46, с. 124–125]. Решение проблем, связанных с вооружением и экипировкой национальных бурятских формирований, взял на себя Г. М. Семенов.

В процессе укрепления собственной власти в Забайкальской области атаман Г. М. Семенов перестает признавать Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и приступает к реализации идеи о создании панмонгольского государства [31; 56]. Реализация идеи совпала по времени с осуществлением милитаристских планов Японии и успехами бурятского национального движения.

По мнению некоторых российских исследователей, Япония в этот период вела активную пропаганду идей панмонголизма и «призывала монголов и бурят объединиться в единое государство Великая Монголия [49, с. 30–32]. По нашему мнению, это слишком упрощенный взгляд на внешнюю политику Японии на рубеже 1918–1919 гг. Документы свидетельствуют о том, что в верхнем эшелоне власти не было единства по проблеме реализации этой идеи. Сторонниками объединения монголоязычных народов под эгидой Японии выступали милитаристские круги Страны восходящего солнца, идейным лидером которых стал министр иностранных дел Японии Танака. В конце 20-х гг. появился «меморандум Танаки», суть которого сводилась к следующему: «Чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Чтобы завоевать весь мир, мы должны сначала завоевать Китай...». Следует отметить, что меморандум являлся конкретизацией планов кабинета министров Японии, выразителем которых был премьер-министр Хара Такаси. В последующем он произнес речь «О государственной политике в чрезвычайное время». Доклад стал японской военно-политической программой на Дальнем Востоке. По словам премьера, «XX в. должен стать веком распространения теории национального объединения цветных народов и отказа от чужой цивилизации. Япония в качестве самой передовой силы в Азии призвана стать во главе освободительного движения цветных народов, в первую очередь народов Азиатского континента, под девизом – освобождение и единение под стягом нашей империи». Эта программа была призвана оправдать интервенцию на советском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, которая стала непопулярной как в народе, так и в парламенте, а также обосновать положение о неизбежности войны под лозунгом «освобождение азиатских народов» [18, с. 40–41].

У сторонников Танаки имелись серьезные оппоненты в лице буржуазно-либеральных кругов, которые в рассматриваемый период имели перевес в правительстве Японии. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы допросов одного из функционеров Бурнардумы Баярто Вампилуна. Так, в последующем из материалов допросов следует, что «Даурское правительство», созданное Бурнардумой при поддержке Г. М. Семенова, послало делегацию в Пекин для выяснения японской точки зрения на проблему монгольского объединения, которое пыталось осуществить японское командование на Дальнем Востоке. Советник японского посла незамедлительно принял делегацию и заявил следующее: «Вы, монголы, народ отсталый, малокультурный и малочисленный, из вашей затеи объединения ничего не выйдет. Это не входит в политику японского правительства. Мое правительство вас не поддержит. Оставьте эту несбыточную идею, вернитесь домой и сидите смирно. А что касается обещаний поддержки в этом деле со стороны нашего военного командо-

вания, то оно, в военных целях, на свой риск, действует совершенно самостоятельно и безответственно» [2, л. 30].

Что касается лидеров бурятского национального движения, то в годы Гражданской войны у них был свой взгляд на проблему панмонголизма. Это было обусловлено тем, что надеждам получить автономию для бурят у Сибирского правительства А. В. Колчака не суждено было сбыться. Более того, к самой идее автономии для бурят колчаковская администрация отнеслась крайне отрицательно, усмотрев в ней попытку разрушить унитарное государство. Это отношение красноречиво высказал министр внутренних дел колчаковского правительства В. Н. Пепеляев, который в ответ на ходатайство бурят об утверждении их органа местного самоуправления наложил следующую резолюцию: «Выпороть бы вас» [15, с. 19]. Это отношение способствовало единению бурятской интеллигенции на почве панмонголизма. В письме Э.-Д. Ринчино Даши Сампилону подчеркивалось: «Старый Нацком полагал, что Маньчжурия и Восточная Монголия будут находиться всецело в сфере ведения Японии, Монголия южная, северная и западная с включением бурят образует самостоятельное буферное государство. Причем, буряты должны переселиться в Халху или передвинуты к границам Забайкалья с обменом земель» [46]. Эти мысли Э.-Д. Ринчино обусловлены вполне реальными успехами национального движения бурят, когда в течение двух лет Бурнацком автономно руководил органами местного самоуправления и добился признания вначале от Советской власти, а потом от Правительства Забайкальской области атамана Семенова. При этом руководство Бурнардумой не страдало эйфорией. Так, Э.-Д. Ринчино относился с известной долей скепсиса и даже недоверия к народам Центральной Азии. В том же письме он писал: «Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся как активный материал для создания этого государства». Именно поэтому лидеры бурятского национального движения искали опору в лице атамана Г. М. Семенова и японских оккупационных войск. Э.-Д. Ринчино писал: «Самое важное и существенное в выполнении нашей программы – это установление контакта с Японией и Семеновым. Для меня Семенов существует постольку, поскольку за ним стоят японцы и их сокровенные задачи и планы на территории Сибири, Маньчжурии, Монголии. Семенов представляет силу постольку, поскольку за ним стоят японцы. Это кажется ясно для всякого. А посему вся задача, по-видимому, заключается в том, чтобы контакт был установлен непосредственно с японцами, а контакт с Семеновым уже производный, имеющий меньше значения» [46, с. 124].

Таким образом, в руководстве Японии и у лидеров бурятского национального движения не было единства взглядов на проблему создания панмонгольского государства. Тем не менее атаман Г. М. Семенов приступил к реализации своей идеи. В начале февраля 1919 г. на станции Даурия состоялось совещание панмонголистов, на котором было принято решение о проведении съезда и выработаны основные направления его работы. Совещание разослало приглашение князьям Барги, Внутренней и Внешней Монголии. В условиях, когда в Японии не было единства взглядов на проблему создания государства

панмонголистов, а отношения с Англией, Францией и особенно США были довольно прохладными, японские милитаристские круги старались завуалировать свою заинтересованность в развитии панмонгольского движения. Тем самым атаман Г. М. Семенов получил карт-бланш.

Съезд панмонголистов начал свою работу 25 февраля 1919 г. в Чите. На съезде присутствовало 16 делегатов. Бурят Забайкалья представляли Д. Сампилон, Н. Дылыков, Э.-Д. Ринчино, Вампилун, Цыдыпов, Бимбаев. Съезд проходил под председательством Нэйсе-гэгэна (хутухты) Внутренней Монголии Ничи-Тойна Менду Баира. Открыв съезд, председатель напомнил, что во времена Чингисхана все монгольские племена составляли одно целое, а затем с ослаблением монголов некоторые племена попали под власть Китая, а некоторые – под власть России. Именно сейчас, подчеркнул Нэйсе-гэгэн, настал удобный момент для нового объединения всех монгольских племен в одно государство [43, с. 5].

Следует отметить, что не все делегаты съезда были настроены столь оптимистично. Б. Вампилун вспоминает: «Я пробовал было возражать против избрания монгольского правительства, не имея ни территории, ни финансов, ни каких-либо реальных сил. Вообще каких-либо объективных данных, говорящих за объединение монголов. Намдак Дылыков, представитель цугольских бурят, рукой под столом толкнул мне в колено и шепнул мне на ухо – не возражать. В антракте я вышел в коридор гостиницы, где ко мне подошел Дылыков и сказал мне следующее: “Теперь время трудное, переменчивое, нам необходимо молчать, провозжать дни, целее будешь”» [2, л. 30].

Съезд принял решение об образовании независимого федеративного Велико-Монгольского государства, в состав которого должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. Делегаты избрали правительство, которое получило название Даурское, ибо оно нашло пристанище на забайкальской станции Даурия, так как избранный столицей нового государства город Хайлар был оккупирован китайскими войсками.

В работе съезда приняли участие атаман Г. М. Семенов, его помощник Волгин, переводчик Шадрин и майор японских оккупационных войск Судзуи. Атаман Семенов за особые заслуги в деле создания панмонгольского государства получил решением съезда звание Гыцун-вана, т. е. «святейшего князя», и приглашение стать первым советником нового правительства. Однако деятельность атамана Г. М. Семенова была небескорыстна. Он предложил новому правительству подписать соглашение, по которому Временное правительство обязалось поставить ему выгодные концессии на разработку полезных ископаемых на территории «Великой Монголии». И буряты, и монголы оценили это соглашение как кабальное, но, учитывая почти безвыходное положение правительства, находящегося на чужой территории, было решено подписать его. Тогда же по предложению Э.-Д. Ринчино в договор был внесен пункт о том, что соглашение теряет силу при несоблюдении хотя бы одного его пункта, что давало монголам возможность аннулировать соглашение. По свидетельству Э.-Д. Ринчино, когда Семенову была представлена монгольская редакция текста соглашения, он сильно поморщился, но все же подписал [46,

с. 233]. Новое государство создавало регулярную армию, в которую намечалось призвать из Внутренней Монголии 20 тыс. человек, из Барги – 1 тыс., из Забайкалья – 3 тыс. Атаман Семенов через барона Унгерна выделил Бурнардуме беспроцентную ссуду в размере 2 млн руб. керенками для материального обеспечения и обучения будущих воинских частей [26, с. 53]. Новому правительству была готова предоставить заем и Япония, но при этом она не хотела придавать этому делу широкой огласки. Японская пресса с восторгом писала о результатах съезда, особенно выделяя заслуги атамана Г. М. Семенова: «...Япония должна поддержать Семенова и помогать ему во всех отношениях и всеми средствами. Япония должна снабжать его всем, что ему понадобится для осуществления такого политического плана, так как это единственный путь решения вопроса о Восточной России» [45, с. 183]. Тогда же на съезде была избрана делегация на Версальскую мирную конференцию и составлен текст декларации для обнародования на конференции. В декларации обосновывались идея панмонгольского движения и необходимость образования «отдельного полноправного Монгольского государства».

В этот период панмонголистам был свойственен определенный романтизм и лидеры бурятского национального движения были убеждены, что мировое сообщество встретит с пониманием и одобрением новое политическое образование. В статье «Великие державы и независимость Монголии» Э.-Д. Ринчино писал: «Успех монгольского революционно-национального движения и объявление Монголии независимой федеративной республикой будет, несомненно, иметь большое значение в политической и экономической жизни Дальнего Востока и Центральной Азии. Но нас в настоящий момент интересует не эта сторона вопроса, а другая, а именно: насколько практически осуществима идея независимости Монголии, декларированная общемонгольской конференцией». В заключение статьи он делает вывод о том, что «великие державы, каждая во имя собственных интересов поддержит требования монгольских патриотов на парижской мирной конференции...» [46, с. 120]. При этом он следующим образом обосновывал необходимость вхождения бурят в состав нового государства: «Монгольский аймак бурят, бывших в российском подданстве, тоже вследствие разнообразия в религии и обычаях утратил свои права уже лет с 600 и теперь не имеет возможности отстоять свои экономические интересы, и каждый бурят ожидает уже давно того случая, когда будет возможность обеспечить себе спокойное проживание» [46, с. 599].

К декларации правительства Нэйсэ-гэгэн приложил и собственную декларацию, как правитель нового государства, в которой подчеркивал, что если монгольский вопрос на конференции не будет «вырешен, то все равно не будем сложа руки ждать..., а будем до последней капли крови вести войну, чтобы полностью получить первоначальные свои коренные земли» [46, с. 600]. Тем не менее, послы союзных держав отказали делегации в визе на въезд во Францию, а Япония, которая подпитывала панмонгольское движение и делала ставку на него в своей внешнеполитической деятельности, не рискнула открыто поддержать устремления панмонголистов. Тем самым планам атамана Г. М. Семенова и лидеров бурятского национального движения не суждено было осуществиться.

Была и еще одна причина, по которой у молодого панмонгольского государства не было будущего. Основным противником образования «Великой Монголии» выступало руководство Внешней Монголии, которое, во-первых, предвидело реакцию ведущих держав мира, а, во-вторых, справедливо опасалось потери собственной государственности. Еще перед началом конференции руководство Монголии прислало делегатам письмо, в котором выражало сочувствие начатому делу и давало обещание присоединиться к новому общемонгольскому государству, если оно будет утверждено Версальской конференцией и особенно САСШ и Японией. Попытка разрешить эти противоречия была предпринята на конференции панмонголистов в Чите в мае 1919 г. На конференции было принято решение направить в Ургу к Богдо-хану делегацию, соблазнив его обещанием трона общемонгольского хана. В случае несогласия последнего Даурское правительство было готово направить во Внешнюю Монголию военную экспедицию. Не имея возможности вмешаться в развитие панмонгольского движения, правительство А. В. Колчака послало ноты правительствам Англии, Франции САСШ. Тем не менее при поддержке атамана Г. М. Семенова новое государство предпринимает ряд шагов, направленных на реализацию решений съезда и укрепление статуса государства. В этой связи руководство Бурнардумы установило тесный контакт с Временным правительством Монголии и получило от штаба монгольских войск миллион керенками на условиях поставки скота и сырья [9, л. 136–137]. Начался призыв на военную службу бурят Агинского, Баргузинского, Селенгинского и Хоринского аймаков. Вместе с бурятами призывались и тунгусы-буддисты. Бурнардума разослала циркулярное распоряжение по всем аймачным думам: «Ввиду предстоящего призыва в цагда народная дума предлагает воспретить хошунным управам выдачу паспортов на отлучку лицам призывного возраста, а равно не увольнять в отпуска должностных лиц и не принимать ухода со службы последних без уважительных причин» [10, л. 1]. Для подготовки национальных кадров младших командиров была создана Даурская школа прапорщиков, которую окончил будущий генерал-лейтенант Маньжочу-Го Уржин Гармаев [4]. Задачи национальных вооруженных формирований наиболее точно охарактеризовал товарищ министра финансов Даурского правительства Б. Вампилун – они «заклучались в осуществлении панмонгольских идей» [2, л. 23].

С началом мобилизации бурят в ряды монголо-бурятской бригады «Зорикто батор» у хоринских бурят развивается теократическое движение, которому в российской историографии дается негативная оценка [11; 51; 52]. Между тем теократическое движение и деятельность его лидера ламы Сандана Цыденова не следует рассматривать одномерно. С одной стороны, лидер теократов провозгласил себя ламой Дарма-Ранзый – царем трех миров (неба, земли и области «невидимого»), выступал против национальной государственности, не признавал власть Бурнардумы, уклонялся от уплаты налогов и выполнения повинностей, а с другой – выступал против происков атамана Г. М. Семенова, пытался спасти бурятскую молодежь от призыва в цагда. При этом он использовал лозунг «единения с русским революционным народом», что находило понимание у известной части бурятского населения и до извест-

ной меры дезавуировало панмонгольские устремления атамана Г. М. Семенова. В начале мая 1919 г. сторонники С. Цыденова избрали «правительство теократического государства» в составе президента, его товарища и семи министров. В «государство» вошли одиннадцать балагатских обществ, а его территория занимала долины Чесана, Кижинги, Кодуна и часть Хоринского аймака. Местонахождение кельи С. Цыденова было объявлено столицей «государства» [11].

По приказу атамана Г. М. Семенова управляющий Верхнеудинским уездом полковник Коровин-Пиотровский с 10 по 19 мая 1919 г. ликвидировал «государство», арестовал «президента» С. Цыденова и его министров прямо в его «ставке» и отправил всех в Верхнеудинскую тюрьму. Правительство теократического государства просуществовало лишь несколько дней. Волны теократического движения прокатились и по другим аймакам.

Осенью 1919 г. «Великое Монгольское государство» фактически распалось. Нэйсэ-гэгэн под напором партизан с остатками своих войск – чохарами был вытеснен в район Троицкосавска, перешел на территорию Внешней Монголии, где был арестован китайскими властями и в начале 1920 г. расстрелян.

Однако панмонгольское движение не прекратило своего существования и находилось под плотной опекой атамана Г. М. Семенова. Не обращая внимания на недовольство лидеров Бурнардумы, атаман использует бурятские военные формирования по своему усмотрению. Попытка одного из лидеров бурятского национального движения Даши Сампилон протестовать против отправки бурятских цагда в сторону Нерчинска для борьбы с партизанской армией П. Н. Журавлева, а затем на Иркутский фронт привели к гибели Д. Сампилон.

Таким образом, детище атамана Г. М. Семенова – Даурское правительство «Великой Монголии» – просуществовало семь месяцев (февраль–сентябрь 1919 г.). Японцы быстро убедились в несостоятельности нового государства, да и обстановка стремительно менялась – Красная Армия перешла в наступление, и концу 1919 г. территория Западной и Восточной Сибири была освобождена от колчаковцев. В конце 1919 г. у атамана Г. М. Семенова возникает план прямого вторжения в Монголию [11]. С одной стороны, он не оставлял надежды склонить Богдо-гэгэна на свою сторону и укрепиться в Монголии, а с другой – остро встал вопрос о том, чтобы уйти от стремительно наступающей Красной Армии.

Осенью 1920 г. окончательно стало понятно, что идея атамана Г. М. Семенова по созданию федеративного «Велико-Монгольского государства» не имеет под собой будущего. Этому во многом способствовали успехи советских войск на Восточном фронте, размах партизанского движения в Забайкалье и рост недовольства политикой забайкальского атамана. Но главное в том, что Г. М. Семенов не верил в панмонгольское государство. Просто под эту идею Япония выделяла финансы и вооружение. Кроме того, появлялась реальная возможность поставить под ружье 20–25 тыс. человек.

В эмиграции геополитические амбиции не оставляют атамана Г. М. Семенова. В первом томе его уголовного дела помещен протокол № 1 допроса от 26 августа 1945 г., осуществленного в Мукдене в районе действия 6-й тан-

ковой армии, в котором сразу же раскрывается суть деятельности забайкальского атамана в эмиграции [12, т. 2, л. 4]. В Маньчжурии Г. М. Семенов становится фактическим лидером русской эмиграции. Он вновь возвращается к идее панмонголизма, что полностью соответствовало милитаристским планам Японии. Исходя из показаний атамана, он в течение 1934–1936 гг. неоднократно встречался с руководителем Японской военной миссии генерал-майором Андо, который предложил ему подготовить проект о возможном создании буферного государства в советском Приморье, куда затем планировалось переселить эмигрантов, используя при этом как методы идеологического, так и силового давления. Позднее он встречался с бывшим командующим японскими войсками в Китае генералом Накамурой, который полагал, что не следует ограничиваться территорией Приморья и буфер следует расширить до Байкала [12, т. 1, л. 35]. После встречи с генералом Накамурой Г. М. Семенов получил задание от Японской военной миссии – вести военную подготовку среди монголов и осуществлять разведывательные мероприятия на территории Внешней Монголии и Забайкалья [12, т. 1, л. 103]. Именно атаман Г. М. Семенов установил постоянную связь с главой Монгольской Федерации в Калгане (Внутренняя Монголия). В 1941 г. Г. М. Семенов подготовил проект создания единого монгольского государства, объединив Монгольскую Народную Республику и Внутреннюю Монголию, рассматривая новое образование в качестве буфера между СССР и Японией. По инициативе Г. М. Семенова в Хингане начали формироваться монгольские военные части под руководством японских офицеров. Там же было создано офицерское училище для монголов [12, т. 1, л. 105]. Сразу же стоит отметить, что в кругах белой эмиграции, не без согласования с японцами, обсуждался вопрос о создании в Забайкалье государства по типу Маньчжоу-Го и назначении его царем атамана Семенова [8, л. 73, 97]. Эта идея получила реализацию в планах штаба Квантунской армии. В июле 1941 г., по сообщениям советской разведки, осуществление этого плана должно было начаться с захвата немцами Москвы, после чего «воинские части русских эмигрантов под командованием генерал-лейтенанта А. П. Бакшеева войдут на территорию Забайкалья из Маньчжурии. Будет провозглашена антисоветская власть во главе с атаманом Г. М. Семеновым. После этого Семенов сразу обратится к Японии за военной помощью. Квантунский штаб введет свои войска и начнет вместе с Бакшеевым действия против Красной Армии. Этим японцы избегают объявления войны СССР» [50, с. 258].

В 1943 г. по собственной инициативе Г. М. Семенов подготовил проект «Как разрешить эмигрантский вопрос в Маньчжурии и других странах Восточной Азии» [22, с. 226].

В 1944 г. начальник Японской военной миссии генерал-майор Акикуса предложил заменить японские войска в Китае монгольскими войсками, а формирование их поручить атаману Г. М. Семенову.

Таким образом, находясь в эмиграции, атаман Г. М. Семенов не оставил своих геополитических амбиций по созданию панмонгольского государства, сумев приспособить их к великодержавным планам милитаристской Японии.

Предательство

На многочисленных допросах атаман пытался предстать как русский патриот, радеющий о судьбе России, думающий о послевоенном мирном устроении, как активный борец с японским милитаризмом. Однако материалы допросов говорят об обратном.

Из протокола допроса от 23 октября 1945 г., помещенного в первом томе, явствует, что Г. Семенов принимал самое непосредственное участие в создании марионеточного прояпонского государства Маньчжоу-Го во главе с императором (ваном) Генри Пу И. Еще в 1928 г. Г. Семенов по заданию Японской военной миссии (ЯВМ) через воспитателя будущего императора Ло Джу Юй установил связь с Пу И и фактически стал посредником между ним и Токио. Тем самым Г. Семенов принимал самое непосредственное участие в подготовке японской оккупации Маньчжурии [12, т. 1, л. 95].

Еще до вступления японцев в Маньчжурию руководитель ЯВМ Комацу-бара прочил в качестве лидера всей русской эмиграции на Дальнем Востоке русского консула и директора педагогического института в Маньчжурии Хионина. Но после создания Маньчжоу-Го по инициативе штаба Квантунской армии и лично руководителя ЯВМ генерал-майора Акикуса ставка была сделана на атамана Г. М. Семенова, русских фашистов и забайкальских казаков. Кандидатуру Г. М. Семенова поддержали крупные промышленники, которые финансировали деятельность атамана, многие военные эмигрантские организации, включая фашистов [30; 36; 39; 40]. В 1932 г. в Харбине было создано Главное бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), объединившее более 50 эмигрантских организаций [27, с. 132]. Каждый шаг БРЭМ контролировался и визировался ЯВМ [7; 37]. Об этом красноречиво свидетельствует секретная инструкция «Предупреждение по вопросу обращения с белыми русскими», адресованная начальником Хайларского особого органа Суганаки Ициро начальнику полицейского управления Северо-Хинганской провинции: «По распоряжению властей руководство белыми русскими, включая также татар и евреев, полностью осуществляется особыми органами, ввиду чего все серьезные мероприятия в отношении белых русских, как аресты, содержание под стражей и т. д., могут осуществляться только после согласования этого вопроса с вверенным мне органом или его ближайшими отделениями» [16, с. 13]. Согласно показаниям атамана Г. Семенова, он проживал в Маньчжурии на ст. Какাকাши и не занимался политической деятельностью. Между тем атаман оставался духовным лидером российской эмиграции в Маньчжурии и создание БРЭМ было осуществлено при его непосредственном участии. Это явствует из материалов допроса генерал-лейтенанта Алексея Прокоповича Бакшеева от 8 сентября 1945 г., который подчеркивал, что Г. Семенов принимал самое деятельное участие в создании БРЭМ, многократно встречался и получал указания и инструкции ЯВМ по вопросу руководства и объединения всей эмиграции вокруг Бюро [12, т. 5, л. 23]. Показания генерала Л. Ф. Власевского свидетельствуют, что атаман Г. Семенов встречался в Мукдене с главой ЯВМ в Харбине генералом Андо, где решался вопрос об объединении всех эмигрантов, создании БРЭМ для борьбы с советской властью. Тем самым,

подчеркивает Л. Ф. Власьевский, «Семенов становился почетным главой белой эмиграции в Маньчжурии» [12, т. 4, л. 36–37]. О значении этого шага говорит тот факт, что до создания БРЭМ в Маньчжурии имелось более 50 эмигрантских организаций, не имевших центрального руководства. Бюро состояло из 5 отделов: печати и просвещения, военной подготовки, разведки и контрразведки, снабжения и благотворительности. Причем во главе первого отдела стоял генеральный секретарь Русского фашистского союза (РФС) К. В. Родзевский, а разведку и контрразведку возглавлял член бюро РФС М. А. Матковский [12, т. 1, л. 22–23]. Тем самым прослеживается прямая связь забайкальского атамана с фашистской организацией. При каждом отделе находился японский советник. Общее руководство советников возлагалось на Окачи – секретаря начальника ЯВМ в Харбине генерала Акикуса. Из протокола допроса Г. Семенова от 27 октября 1945 г. явствует, что на курсах БРЭМ осуществлялось изучение терминологии, принятой в СССР, саперного дела, тренировки по организации взрывов мостов и сбору военных сведений, владению холодным и огнестрельным оружием. В этом же проколе говорится о создании курсов разведчиков при редакции фашистского журнала «Нация», где с 1934 по 1938 г. прошли подготовку 200 эмигрантов, заброшенных затем в СССР. Из этих материалов видно, что Г. М. Семенов контролировал всю деятельность русской эмиграции, направленной против России.

Особого внимания заслуживают публикации Г. М. Семенова в многочисленной эмигрантской печати, которые вызывают откровенное отвращение. Он поздравляет Гитлера с днем рождения, его победами над европейскими странами, желает успехов на Восточном фронте в борьбе с большевизмом. Для него становятся личной трагедией провал «блицкрига» под Москвой, поражение под Сталинградом. В этих статьях просто не узнаешь героя Первой мировой войны, храбреца. В них сквозит какое-то заискивание и унижение. Еще тяжелее читать его докладные записки в адрес руководства ЯВМ, в которых «герой» выступает как заурядный осведомитель.

В 1941 г. был заключен пакт между СССР и Японией, который скорректировал тактику БРЭМ, а РФС заставил уйти в подполье. Однако ЯВМ не изменила свои планы в отношении России, по-прежнему делая ставку на эмиграцию. Пропаганда японского образа жизни велась через легальные литературные кружки имени Байкова, Краснова, А. С. Пушкина, К. Романова. Более того, эмигрантская молодежь привлекалась в специально созданную японскую организацию «Кио-Ва-кой» («Содружество наций»), где она должна была усвоить японскую политику и идеологию. Президентом организации являлся премьер-министр Маньчжоу-Го Джан Джин Куй, а фактическим руководителем – офицер Квантунской армии Такеба [12, т. 1, л. 101].

Об отношении ЯВМ к атаману Г. Семенову говорит следующий факт, который приводится в протоколе допроса генерал-лейтенанта А. П. Бакшеева: «После 2-го эмигрантского съезда начальник ЯВМ в Харбине дал банкет в честь Семенова, что показало взгляд японцев на Семенова как на главу эмиграции» [12, т. 1, л. 62].

В то же время вряд ли можно говорить об идейной позиции атамана Г. Семенова в его тесном сотрудничестве с ЯВМ. Из протокола очной ставки одного из офицеров ЯВМ капитана Такэока Ютаки и атамана Г. Семенова от 17 августа 1946 г. явствует, что атаман долгое время сотрудничал с японской военной разведкой, за что и получал денежное вознаграждение [12, т. 1, л. 373–374]. После долгих препирательств Г. Семенов признал, что им в разное время были переданы японской разведке сведения о состоянии советского военного флота на Тихом океане, количестве входящих в него подводных лодок, строительстве новых железнодорожных путей на территории СССР, в частности БАМа, о дислокации частей Красной Армии, расположенных в пределах советского Дальнего Востока, а также материалы о советском консульстве в Дайрене [12, т. 1, л. 376]. Исходя из материалов уголовного дела, насчитывается не один десяток эпизодов, связанных с получением атаманом Семеновым денег от сотрудников ЯВМ.

Если говорить о политическом кредо Г. Семенова, то его наиболее полно охарактеризовал генерал Л. Ф. Власьевский: «Человек без определенных политических убеждений, политический фантазер с большими авантюристическими наклонностями, но не в коем случае человек реальной политики» [12, т. 4, л. 190]. Говоря о взаимоотношениях Г. М. Семенова и лидеров русской эмиграции, генерал А. П. Бакшеев отмечал, что у него было больше врагов, чем друзей. «Он наделал огромное количество ошибок почти государственного масштаба. Но выступить против него мы не могли, нас обвинили бы в измене Японии, которая кроме Семенова никого поддерживать не будет» [12, т. 5, л. 62].

Таким образом, годы эмиграции атамана Г. М. Семенова теснейшим образом связаны с деятельностью Японской военной миссии в Маньчжоу-Го, которая создала и долгие годы поддерживала его имидж лидера и идеолога русской эмиграции в Маньчжурии. За это атаман служил Японии верой и правдой. Он же освещал деятельность русской эмиграции, выполняя неблагоприятную роль осведомителя и получая за это солидное денежное вознаграждение. Его деятельность была также теснейшим образом связана с германским и русским фашизмом. Поэтому представление об атамане Г. Семенове как о русском патриоте, государственнике и герое – не что иное, как миф, опровергаемый документами уголовного дела архива ФСБ Российской Федерации.

Реабилитации не подлежит: к вопросу о фронтуре

Генерал русской императорской армии, атаман Всевеликого войска Донского, начальник Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий фашистской Германии П. Н. Краснов; генерал русской императорской армии С. Н. Шкуро; генерал русской императорской армии А. Г. Султан-Гирей Клыч; генерал-лейтенант РККА СССР А. А. Власов – это имена российских офицеров, обласканных судьбой и властью, на счету которых много блестящих побед на фронтах мировых войн, которыми страна могла бы гордиться, но которые предпочли славе предательство и пошли на сотрудничество с гитлеровской Германией. Все

они по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР были казнены через повешение, что является позором для русского офицерского корпуса. «Демократическая общественность» современной России неоднократно предпринимала попытки реабилитировать русских квислингов. Но Верховный Суд Российской Федерации признал их преступления не подлежащими реабилитации.

В этом же ряду находится и забайкальский атаман Г. М. Семенов.

4 апреля 1994 г. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации под председательством генерал-майора юстиции Л. Захарова, рассмотрев дело «бывшего Главнокомандующего Вооруженными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенанта Белой армии» Григория Семенова, постановила: «Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 26–30 августа в отношении Семенова Григория Михайловича в части осуждения его по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР отменить, дело в этой части прекратить за отсутствием состава преступления. В остальной части приговор в отношении Семенова Г. М. оставить без изменения и признать его не подлежащим реабилитации». То есть с атамана Семенова были сняты обвинения лишь в антисоветской агитации и пропаганде. Потому что у предательства нет срока давности.

Сегодняшняя Россия – это фронт между прошлым и будущим, между белыми и красными; это попытка и позитивное стремление сделать Россию единой, в результате чего должно возникнуть понимание того, что гражданская война – это трагедия, где не может быть героев. Но в ней нет сегодня и не может быть в будущем места для предательства.

Список литературы

1. *Агалаков В. Т.* Подвиг Центросибири / В. Т. Агалаков. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Бурятия (Архив УФСБ РФ по РБ). Д. 2923/с.
3. *Атаман Семенов.* О себе (Воспоминания, мысли и выводы) / Г. М. Семенов. – Дайрен, 1938.
4. *Базаров Б. В.* Генерал-лейтенант Маньжоу-Го Уржин Гармаев / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 41 с.
5. Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. – М. : Изд-во Товарищество науч. изд-во КМК, 2004. – 661 с.
6. Белоэмиграция в Маньчжурии : в 3 т. – Чита : УНКВД, 1942.
7. *Василевский В. И.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: Краткие очерки истории / В. И. Василевский. – Чита : Поиск, 2000. – 182 с.
8. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАРБ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 10.
10. ГАРБ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 14.
11. *Дарибазарон Э. Ч.* Теократическое движение в Хоринском ведомстве Бурятии (1919–1926 гг.) / Э. Ч. Дарибазарон. – Улан-Удэ : ВСГТУ, 2008.
12. Дело по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Григория // Центр. архив Федер. службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Особый фонд. Н. 18765. В 25 т.
13. *Денисов С. В.* Генерал Г. М. Семенов // Белая Россия. – Нью-Йорк, 1937.
14. *Елаев А.* Атаман Семенов – палач или герой? // Бурятия. – 2001. – 29 авг.

15. *Звягин С. П.* Бурятский суд в 1918–1919 гг. / С. П. Звягин // Проблемы ист. культ.-национ. строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 1998. – С. 17–21
16. *Кермель Л. В.* Белоэмиграция в Маньчжурии // Новости разведки и контрразведки (Международная независимая газета о работе спецслужб). – 1996. – № 19.
17. *Кокоулин В. Г.* Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.) / В. Г. Кокоулин. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2002. – 292 с.
18. *Кузнецов С. И.* Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885–1945 гг.) / С. И. Кузнецов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1996. – 128 с.
19. *Курас Л. В.* Азиатская государственность в представлениях атамана Семенова // ИЛТГЭҮҮДИЙНТӨВЧЛӨЛ summaries of congress papers : the 9th international congress of mongolists devoted to the 800 th anniversary of the yeke mongo lulus organized under the patronage of N. ENKHBAATAR. President MONGOLIA (8–12 august 2006, ULAANBAATAR). – ULAANBAATAR : Secretarian internatijnal association for studias, 2006.
20. *Курас Л. В.* Атаман Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – № 8. Востоковедение. – С. 167–172.
21. *Курас Л. В.* Атаман Г. М. Семенов и панмонголизм // Междунар. конгресс востоковедов. – М., 2004. – Т. 2. – С. 205–207.
22. *Курас Л. В.* Атаман Семенов в эмиграции // История белой Сибири : материалы 5-й Междунар. науч. конф. 4–5 февр. 2003 г. – Кемерово, 2003. – С. 224–226.
23. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и «еврейский вопрос» // История белой Сибири : материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 1997. – С. 46–48
24. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и «монгольский вопрос» // Монголчуудын аж ахуй, эдийн засгийн тууж. – Улаанбаатар : «Соембл принтинг» ХХК-д хэвлэв, 2006. – С. 340–354.
25. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и национальные военные формирования / Л. В. Курас // История белой Сибири. – Кемерово, 1999. – С. 43–46.
26. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и панмонгольское движение // Сибирь: век XX. – Кемерово, 2001. – Вып. 3. – С. 52–56.
27. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и Японская военная миссия // Сибирь: XX век. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. – Вып. 4. – С. 131–134.
28. *Курас Л. В.* Атаман Семенов: Любовь, переросшая в предательство // Власть. – 2014. – № 2. – С. 184–188.
29. *Курас Л. В.* «Велико-монгольское государство» в геополитических амбициях атамана Семенова // Россия между прошлым и будущим: ист. опыт национ. Развития : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – С. 426–532.
30. *Курас Л. В.* Всероссийская фашистская партия: Харбин – 30-е гг. // Вопр. социал.-полит. ист. (XVII–XX вв.). Бахрушинские чтения 1997 г. – Новосибирск, 1997.
31. *Курас Л. В.* Геополитические амбиции атамана Семенова: политика создания федеративного «Велико-Монгольского государства» // Гуманит. вектор. – Чита, 2011. – № 4. – С. 255–262.
32. *Курас Л. В.* К вопросу о «Народном Совете» в Забайкалье // Акт. пробл. ист. Бурятии. – Улан-Удэ, 1987. – С. 122–125.
33. *Курас Л. В.* Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // Власть. – М., 2010. – № 8. – С. 31–34.
34. *Курас Л. В.* Панмонголизм и атаман Семенов // Владимирцовские чтения IV. – М., 2000. – С. 68–74.

35. *Курас Л. В.* Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX в.) / Л. В. Курас, В. В. Бабаков // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 4, История. – 1997. – Вып. 1. – С. 32–42.
36. *Курас Л. В.* Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е гг. XX в. // Сэнкай Ки Сибэрна, Монгору-но сэндэн. Адзиа кэню сэнта (Сибирь в межвоенный период. Монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг.). – Япония. – Сэндай, 2006. – С. 129–147.
37. *Курас Л. В.* Харбин – 30-е гг. XX в: Главное бюро по делам российских эмигрантов // Сибирь: XX век. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. – Вып. 5. – С. 105–111.
38. . *Курас Л. В.* Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX в.) / Л. В. Курас, В. В. Бабаков // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 4, История. – 1997. – Вып. 1. – С. 31–42.
39. *Мельников Ю.* Русские фашисты в Маньчжурии (К. В. Родзаевский: трагедия личности) // Пробл. Дальн. Востока. – 1991. – № 2. – С. 109–121.
40. *Мельников Ю.* Русские фашисты в Маньчжурии (К. В. Родзаевский: трагедия личности) // Пробл. Дальн. Востока. – 1991. – № 3. – С. 156–164.
41. *Наками Т.* Семенов и монгольские войска // Пробл. ист. и культуры кочев. цивилизаций Центр. Азии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 4. – С. 127–138.
42. *Новиков П. А.* Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 415 с.
43. *Очиров С. Б. Т. Э.-Д. Ринчино.* Размышления о жизни и последних днях / С. Б. Очиров, Д.-Н. Т. Раднаев // Неизвестные страницы истории Бурятии (Из архивов КГБ). – Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1991.
44. Подвиг Центросибири : сб. док. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. – 480 с.
45. Революционный Восток // Журн. науч.-исслед. ассоциации КУТВ им. И. В. Сталина. – 1934. – № 6.
46. *Ринчино Э.-Д.* Документы. Статьи. Письма / Э.-Д. Ринчино. – Улан-Удэ , 1994. – 235 с.
47. *Романов А. М.* Особый маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова / А. М. Романов. – Иркутск : Оттиск, 2013. – 308 с.
48. *Романов А. М.* Особый маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова в гражданской войне в Забайкалье в 1918–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. М. Романов. – Иркутск, 2011. – 23 с.
49. *Сергеев*. Очерки по истории Белого Движения на Д. Востокъ / Сергеев. – 1923.
50. *Соловьев А. В.* Тревожные будни Забайкальской контрразведки: Говорят архивы спецслужб Чит. обл. – М. : Русь, 2003. – 544 с.
51. *Хантаев П. Т.* Бурятия в годы гражданской войны / П. Т. Хантаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. – 264 с.
52. *Хантаев П. Т.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии / П. Т. Хантаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. – Ч. 1–2.
53. *Шагдурова И. Н.* Расскажите о «панмонгольском движении», когда оно возникло и кто в нем участвовал // Ист. Бурятии в вопросах и ответах. – Улан-Удэ, 1992. – Вып. 3. – С. 30–32.
54. *Юзефович Л. А.* Начало панмонгольского движения и атаман Семенов // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты (История. Археология. Культура. Антропология и этнография). – М., 1996. – С. 179–182

55. *Kuras L.* Ataman Semenov and the National Militari Formations of Buriat // The Journal of Slavie Military Studies (USA), 1997. – Vol. 10, N 4.

56. *Kuras L. V.* Geopolitical Ambitions of Ataman Semenv: An Attemht to Create a Federated «Greater Mongolia State» // Geopolical Relations between Contemporaru Mongolia and Neighboring Asian Countris – Mongolia and Russia. Taipei, 2005. – P. 37–49.

«Three lives» of Ataman G. M. Semyonov: Love and Betrayal (to the Question of Frontier)

L. V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article examines «the three lives» of Transbaikalian Ataman G. M. Semyonov: 1) education, duty journey to Mongolia and the First World War; 2) revolution and the Civil War; 3) emigration. On this way a tragedy of a personality, that took the path from hero to traitor, takes place.

Keywords: Ataman Semyonov, Revolution and Civil War, emigration, Pan-Mongolism, Special Manchurian detachment, Japanese military mission, Russian fascism, hero, traitor.

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

тел.: 8(3012)65-51-37

e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctoir of Sciences (History), Professor,
Senior research associate*

*Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS*

6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047

tel.: 8(3012)65-51-37

e-mail: kuraslv@yandex.ru